

Владимир Зангиев

*Ночной крик
вдовы*

русская провинциальная поэзия

Владимир Александрович Зангиев
Ночной крик вдовы. Русская
провинциальная поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972001
ISBN 9785448375743

Аннотация

Этот сборник стихотворений охватывает период с 1983 года по 2016 год. Некоторые стихотворения печатались в газетах и журналах, а также были удостоены призовых мест на различных литературных конкурсах.

Содержание

Выбор	6
Чашу свою испей!	7
ЧЁРНАЯ ВДОВА	9
БАЛЛАДА О МЯТЕЖНОМ ДУХЕ	11
(Подражание песне)	11
ОЧНИСЬ, СТРАНА!	14
МИР ПОИСТИНЕ ЖЕСТОК	16
ЭТОТ ГОРОД	18
УГОРАЗДИЛО	20
ОБРЕТЕНИЕ СЕБЯ	21
МОЖЕТ БЫТЬ...	23
НА МОГИЛЕ МАТЕРИ	25
ДУША ИЗБИТАЯ БОЛИТ	27
ЗВЁЗД ИСТЛЕВАЮТ УГЛИ	30
ЗАРЯ ЦЕЛУЕТ АЛЫМИ УСТАМИ	31
ОБРЕЧЁННОСТЬ	32
И Я УЙДУ ТУДА...	34
НЕПРИКАЯННЫЙ	35
МЕТОДЫ ОПРАВДЫВАЮТ ЦЕЛЬ	36
БУДЕТ ДЕНЬ!..	38
ЧУЖОЙ БОГ	39
БЕС	41
ОБРЕЧЁННОСТЬ	43

Б. Р. З.	43
СКОРБЬ	44
ЖИЗНЬ ПРОТЕКАЕТ ОБЫЧНАЯ	45
СУДЬБА ДАРУЕТ МИГ ПОБЕД	46
ВЕЧНОСТИ ОСКАЛ	48
РОКОВАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ	50
ХОЧУ В РАЙ!	54
ТОНУ!..	56
О ЗАТАЁННОМ	57
НА ЧЁРНОМ ФОНЕ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ночной крик вдовы
Русская
провинциальная поэзия
Владимир Зангиев

Владимир ЗАНГИЕВ

Ночной крик вдовы

(русская провинциальная поэзия)

© Владимир Зангиев, 2017

ISBN 978-5-4483-7574-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выбор

Истинный рай
может случиться при жизни,
дело, однако, в харизме —
сам выбирай!

В вечность места,
с присущим событию тактом,
распределят по свершившимся фактам
под сенью креста...

Чашу свою испей!

Жизнь создана
исключительно для страданий;
столько в ней испытаний —
тяжка она!

Вот и испей
чаши отравленной горечь.
Рок наполняет полночь
звоном цепей...

Плачет душа —
в крике зашлась истошном;
временем заполошным
скачем, едва дыша.

Сделать привал
хоть бы на миг короткий,
снять кандалов колодки,
коими рок сковал.

Боже, мне дай
силы избыть эту муку —
жертве седьмого круга
ада воздай.

Скажет: увы! —
вписано уж в скрижали,
дабы не избежали
участи вы...

Тщетны труды:
маяться мне придётся
и не достать из колодца
пригоршнь воды.

Прямо беда —
загнан судьбою в угол;
хари ужасных пугал —
это моя среда.

Минут века —
может изменится что-то,
чистой струёй на болото
хлынет река.

Только мечты
жизнь наполняют светом!
— об откровении этом
помни и ты.

ЧЁРНАЯ ВДОВА

В пустыне Кара-Кум живёт вдова.
Жесток и не обуздан её норов.
Она в песках заметная едва,
но сколь порождено о ней
легенд и споров.

Она ажурные сплетает кружева,
чтоб обольстить доверчивого мужа.
Ох, как коварна эта чёрная вдова
и незавидна участь
не сдюжившего гужа...

На ложе, сотканном искусною рукой,
она предастся сладостной утехе
и сложенные лапки кочергой —
не выдадут о предстоящем грЕхе.

Она ласкает мужа-паучка
и кружит его, кружит в танце брачном:
вскружилась голова подобием волчка
на ложе кружевном
и в то же время мрачном.

Когда всепоглощающая страсть

ослабит вожжи, наконец, едва
и,..
словно карта брошена не в масть, —
самца ужалит чёрная вдова.

И он умрёт, как жертва роковой
любви
и страсти данник бедный.
И выпит будет чёрною вдовой,
и будет высушен как лист газетный...

БАЛЛАДА О МЯТЕЖНОМ ДУХЕ

(Подражание песне)

Звёзды скверно так в ночи улыбаются...
То-то нынче палачи позабавятся...
От заоблачных вершин вида статного
Привезли абрека вниз, чтоб пытать его.
Весь закованный в цепях, окровавленный, —
Словно сворою собак волк затравленный.
Конвоиры завсегда с виду шумные...
Подняли галдёж в церквах полоумные...

Лишь роптать обречены заключённые,
Коль уж вышло, что в грехах уличённые.
Месяц небо чернотой сплошь обугливал,
Только горец смелый взгляд не насупливал,
Будто ждёт его сейчас лобызание...
Начинается допрос с истязания.
И ночную тишь рассёк злобный свист плетей,
Да встревожил темноту звонкий хруст костей.

Зарычал свирепо кат: «Сознавайся, пёс,
Где сокровища зарыл? Не смущай допрос.
Всё равно тебе не жить басурманину.

Открывайся, где лежит клад, – славянину!
Усмехнулся лишь абрек: «Зря стараешься!
Хоть изрежь-исполосуй – не дознаешься
Где несметные лежат те сокровища.
Как умаешься пытаться – остановишься».

Душно в пытошной избе, очи застит смрад.
Разъярясь во злобе, насаждает кат:
«Отвечай скорее, вор, где пособники,
Кто друзья твои теперь, а кто кровники?
Но первой всего скажи где сокровища, —
А не то, едрёна мать, обескровишься!»
Палачам не ведом дух милосердия...
Расплетаются кнуты от усердия...

От бессилья завывал тот, кто спрашивал, —
На себе волосья рвал, что отращивал...
Осрамились палачи, хоть старались, —
Но пощады слышать крик не дождались.
И тогда подручным кат злобно приказал —
Рвать безжалостно язык и колоть глаза.
Чтоб не видел белый свет с той поры бунтарь, —
Православью принесли в жертву на алтарь.

К половице прилипал обронённый зуб;
И последовал ответ из разбитых губ:
«Сколь алдаров загубил и не сосчитать.
Что нагребил и отнял, коль хотите знать, —
Неимущим раздавал, кунакам дарил.

Для себя не наживал, для людей творил.
Вам не грезилось в мечтах вольное житьё.
Будет в чаще завывать обо мне зверьё.

Тем закончился допрос и недолгий суд:
Тащат к плахе удальца, да топор несут.
Завершился наконец тот кошмарный сон.
Покатилась голова, оборвался стон.
А наутро поселян всколыхнул набат,
Будто оземь грохнул страшный камнепад...
В мире ярко полыхают дерзкие сердца —
В них мятежный дух самого Творца!

ОЧНИСЬ, СТРАНА!

Горят огни, трепещут тени...

Эпоха ставит на колени.

Упал приплод.

Зияют окна, как глазницы.

С прищуром хищные бойницы.

Распят народ.

Следы находим и поныне

в безумьем выжженной пустыне.

Мир – полигон!

Тотальной формой удушья

начинено опять оружие.

Молчит закон.

Чеканный профиль бронтозавра

облагорожен ветвью лавра —

сей герб страны.

Все грандиозные успехи

облачены скорей в доспехи.

Триумф шпаны.

Геракл гидру обезглавил,

но зло живёт без всяких правил.

– В том убеждён!

И космос сплошь в переполохе:

Христос подсуден стал эпохе...

– Бог осуждён!

Примета времени – безверье.
Вот в преисподнюю преддверье.
Ждёт сатана...
Как-будто в кокон упакован, —
мир к роли куклы уготован.
Очнись, страна!

МИР ПОИСТИНЕ ЖЕСТОК

Когда бы мог легко заснуть
под звёздным пологом
и, не вдаваясь в жизни суть,
сухим некрологом
провозгласил ушедших дней
воззвание в будущем,
то умилился б мир теней
холщовым рубищем,
обёрнутым вокруг души
твоей заботливо, —
тогда и чувствами пляши
в судьбе угодливо,
мол, благосклонно принял бог
под покровительство
и положительно обрёл
теперь на жительство
в небесном царствии своём
среди душ воспрянувших.
Жаль, не всегда осознаём
утрату в канувшем.
Да, мир поистине жесток, —
бес правит им:
попробуй-ка избрать шесток,
чтоб был незанятым...

ЭТОТ ГОРОД

Этот город возник на костях,
привидения бродят в нём,
только выглядит в «Новостях»
распрекрасно сей город днём.

Город строил кровавый тиран,
чтобы в нём угнездилося зло
против мирных и добрых стран,
коих в мире большое число.

Приходилось и мне бывать
ни единожды в граде том,
и не смеют там уповать
на Спасителя в храме пустом.

Город в небо вонзает шпиль,
аж в груди замирает крик.
Поднимается красная пыль
под звериного ветра рык.

Я не помню угрюмых лиц,
что встречались в былые дни —
от упавших покорно ниц
отслоились видать они.

Помолитесь, друзья мои,
за несчастных во граде том;
не коснётся пускай семьи
вашей ярости той симптом.

УГОРАЗДИЛО

Не заморачивая голову
особенно
текущим бытом,
предамся празднику весёлому
по жизни, выданной кредитом,
поскольку сущие мгновения
природой дадены единожды
и участи повиновение —
ударом будет по престижности
души,
завёрнутой во плотское...
(эк, угораздило родиться мне!)
Патриархальностью традиций не
прикроешь мысленно всё скотское
в себе. И бес легко расправится
с такой покладистой жертвою,
притом, что даже не поранится
о край души, хоть исковеркаю
её —
обезобразую падшую,
предам разору-надругательству.
...А всё же жаль мне жизнь увядшую:
анАфемой воздам предательству!

ОБРЕТЕНИЕ СЕБЯ

откуда мне знать что за тем поворотом
меня ожидает? быть может к воротам
своей преисподней пути приведут
и я повстречаю вдруг демона тут.
но, сердце, не бейся столь рьяно и резко,
как будто от милой пришла СМСка

пусть дух разберётся: в кромешной ночи
чей реквием будут играть скрипачи.
укутала ночь всё полотнищем шали
и кони испуганно в небо заржали,
я вожжи ослабил и тихо шептал:
случается так всё, как рок начертал!

и если назначено божьей десницей
покинуть душе тело райскою птицей,
сам грудь распахну ей – летит пусть наружу
и всё это сдюжу!.. я всё это сдюжу!..
в ночи этой призрачной аспидно-чёрной
как ягода терпкая спелого тёрна.

луны закурилось золотое кадило:
ага! значит нынче и мне подфартило,
не время за демоном скрыться в воротах

и детям моим не остаться в сиротах,
ещё и жару испытаю и стужу —
и всё это сдюжу!.. я всё это сдюжу!..

МОЖЕТ БЫТЬ...

Сыграет день симфонию заката
и ночь опустит занавес опять;
как много в жизни нашей суррогата,
но року не уступим ни на пядь,
и будем продолжать поползновенья,
решая массу обывательских задач.
Судьба дарует чудные мгновенья,
лавируя в потоке неудач,
и оставляет нам святое право
на выбор предначертанных путей;
мы, проявляя своеволие нрава,
зависимы от собственных затей.
Вот и пенять приходится за это
ни на какую-то абстрактность внешних сил,
а на нехватку компетентного совета,
о коем каждый ни единожды просил
в ночной тиши у призрачного бога,
смирненно уповая на него.
С тех пор закралась в душу мне тревога,
когда в противоречиях эго
моя натура гневно всколыхнулась,
неверия крамолой сожжена, —
сей мысли откровенно ужаснулась
родная благоверная жена.

А что же я? Бредущий в мире странник,
желающий познать земную суть.
Ночное небо предлагает лунный пряник,
чтоб не пришлось мне натошак заснуть.
Души своей интим и откровенье
я изливаю в бездны мрачной пасть...
Но может быть падёт благословенье
и на мою поверженную масть?

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Здравствуй, мама. Я пришёл – твой сын.
Как чувствуешь себя в обители небесной?
Да, да, прибавилось и у меня седин
и лезу, как всегда, горой отвесной.

А как твоя гипертония, сердце как?
Полиартрит не ломит ли суставы?
А на столе моём обычный кавардак.
Судьба не вписывается в привычные уставы.

А внучка очень-очень подросла,
тьфу... тьфу и, слава богу, – не болеет.
Марине в сентябре от первого числа
вручили первый класс. Справляется. Сумеет.

А эти грозы, мама, каждый день —
теперь значительно испортилась погода.
На островах землетрясения тень —
трагедия японского народа.

Уже темнеет. Ждут меня дела.
И тень креста, как маминой ладонью,
скользнула по щеке, на голову легла
и тихо отошла в своё бездонье.

Я шёл и думал: «Милый дипломат,
ты ненавязчиво детей своих утетишь, —
ведь знаешь, что житейский сопромат
я изучил вполне, но ты за руку держишь.

Ты мудрая, всё поняла без слов,
ты сердцем чувствуешь как нам живётся трудно.
И столько развелось сорвиголов,
и бьёт о камни штормом наше судно».

ДУША ИЗБИТАЯ БОЛИТ

Я в жизнь уверовал опять —
имеет место факт;
как говорится, заключил
с судьбою мирный пакт
и отношениям теперь
присущи лад и такт.

И проецирую размах:
и ввысь, и вдаль, и вширь —
и подходящий приглядел
для этого пустырь,
пора уже и приступать
там строить монастырь.

Душа избитая болит,
чужих чураясь глаз, —
так надоел мне за спиной
друзей заклятых ляс;
безумно хочется от всех
забиться в тихий паз.

Вдруг краской розовой рассвет
окрасил даль слегка.
И воспарила к небесам

душа, как пух, легка.
И показался мир вокруг
фрагментами лубка.

Безумно хочется пожить,
беспечно сжечь года —
наступит следующая жизнь
не знаю ведь когда.
И не оставить на земле
как за собой следа?

Потомок ступит на тропу,
протОренную мной, —
его пусть к цели приведёт
неведомой... иной...
но не поставил лишь бы он
потом всё мне виной.

А, впрочем, чёрт его дери! —
пусть пробивает сам
свой путь сквозь дебри, кущери,
пусть разбирает хлам...
За всё – уж что ни говори —
воздастся по делам!

А если долей тяжкою
обиженный скулит, —
сугубо дело личное —
пусть чувства зачехлит,

когда душа избитая
страдает и болит.

Не нам с тобою первыми
столь мук терпеть пришлось.
От жизни стали нервными —
несчастья б ни стряслось;
распоясались стервами
в нас чувства: ярость, злость.

Ну что ж! На божью волю
осталось уповать... —
кляня земную долю,
распятье целовать.
...пойду с душевной болью
вещички паковать!

ЗВЁЗД ИСТЛЕВАЮТ УГЛИ

Выпад судьбы грозен —
больно разит жало;
бросит картуз оземь,
дабы сподручней стало
нервов тугих струны
рвать вопреки смыслу.
Манит тропой лунной
ночь,
пустотой нависнув.
Звёзд истлевают угли.
Утро за всё взыщет.
Тело о быт обуглив,
станешь душой чище.

ЗАРЯ ЦЕЛУЕТ АЛЫМИ УСТАМИ

Заря целует алыми устами
в последнем вдохе уходящий день,
освобождая место чёрной даме,
стремящейся под бездны звёздной сень.

И сотрясая грозными рогами,
властитель водрузился в вышине.
А Зодиак фигурки-оригами
созвездий внёс откуда-то извне,

соединив мерцающие блики
в астрологически сложившийся прогноз,
где предначертано судьбою в каждом миге
всё то, что бог собственноручно внёс.

И мрак простёр трепещущие длани,
под лоно коих бранный мир увлёл.
И остаётся нам тщетой благоденний
умерить беспощадный к жертвам рок.

ОБРЕЧЁННОСТЬ

...и бог обрѣк возлюбленное чадо
на муки, испытания и смерть,
дабы познало человечье стадо
величье духа, воли доброй твердь.

А мы орѣм толпою заполошной:
«Распни Его скорей, центурион!...»
И, искажая грамотой подложной
весь смысл перед натиском времѣн,

стремимся данным способом избавить
живую плоть от выпавших невзгод.
И с пожеланием: в покое нас оставить! —
мы обращаемся к Творцу из года в год.

Спасенья нет погрязшим в скверне душам:
любой из нас, как есть, иезуит!
При жизни если жирный кус откушал,
то очищения диета предстоит.

Не истязая плоть свою скоромным,
мы отдалИсь страстям и суете.
Пройдѣтся время серостью по брѣвнам
и все предстанем в первозданной наготе:

прочтут судьбы затёртые страницы
и разберут все промахи ея,
и обернут в дерюгу плащаницы
подсудную порочность бытия,

в которой обитали смертной плотью,
когда влачили выделенный срок.
И призывать не стоит к благородью
коварством отличающийся рок.

Так будь, что будет! – положившись на удачу,
воскликнул беззаботно как-то я.
...но почему-то по утратам плачу
когда уходят в мир иной друзья.

И Я УЙДУ ТУДА...

И я уйду туда, откуда нет возврата,
тем завершив свой жизненный круиз,
чтобы сия биологическая плата
служила бы путёвкой в paradis.*

Ох, не для всех врата открыты рая —
за сим взирает неподкупный страж,
он чтит Завет, как кодекс самурая.
Ну, может пронесёт!.. – надеюсь на кураж.

Какое там!.. записано в скрижали —
моей судьбы конечный, крайний пункт.
Как капли на отточенном кинжале,
стекают дни эритроцитами секунд...

paradis* – рай (исп.)

НЕПРИКАЯННЫЙ

Закат разлился алой кровью
над горемычною землёй,
и ночь склонилась к изголовью
неотвратимую петлёй.

Откуда силы, чтобы муки
терпеть и дальше над собой?
И тянутся к верёвке руки,
чтоб счёт свести с своей судьбой.

Неотвратимые мгновенья
в груди торопят сердца стук...
Души избитой откровенья
должно быть вызовут испуг,
и небо страшно ужаснётся,
укрывшись мрачной темнотой;
а под могильною плитой
дух мученика встрепенётся...

МЕТОДЫ ОПРАВДЫВАЮТ ЦЕЛЬ

Поскольку воззванием заблудшие души
нельзя всколыхнуть – пусть пророчат кликуши.
А если подвержен влиянию амбиций,
то впору идти добровольно топиться.
Других порицать – не отпущено право,
пусть хоть и грассируешь речью картаво.

Пеня на участь и гиблую долю,
порою чрезмерно пристрастны к застолю,
к крамольным речам и делам популистским,
хотя быть, по сути, вполне одалиской
пристало: не каждый обличьем мужчина
себя уравнивать норовит с Аль Пачино.

Уж если судьбой – словно жертва арены,
не стоит пенять на наследные гены.
Пути эволюций в пространстве трёхмерном
никак не постичь наперёд, хоть экстерном
раздел метафизики сдашь. Нигилизма
цинизм на идеи влиял коммунизма...

Когда бы записано было в скрижали
о том, что нам уши вожди прожужжали, —
тогда бы не нужен и вовсе мессия

и избранный путь стал оправдан России,
где целью – постичь теорему вселенной
и к тайне богов приобщиться нетленной...

БУДЕТ ДЕНЬ!..

Будет день и будет пища! —
не спеши вперёд судьбы,
а иначе бес всё взыщет,
невзирая на мольбы.

Объективные причины
не меняют дела суть.
Если близок миг кончины,
можешь, в общем-то, дерзнуть.

Только суцая реальность
в мире этом стоит свеч.
И впадать не надо в крайность,
божий гнев чтоб не навлечь.

Соблазнившись мнимым раем,
приглашенья жаждем: плиз!..
Но на бога уповаем,
ибо в нём находим смысл.

ЧУЖОЙ БОГ

Зловещий идол угрюмым ликом
изобразил вдруг страданья муку,
и эпилептик истошным криком
пророчил длительную разлуку.
Недолговечность заглавной роли
напоминает эффект оргазма.
Что посыпают на раны соли,
я верю, всё-таки не напрасно.
Поводья бросят – безумным стадом
в коварность бездны спешим скатиться.
Чужая воля гадючьим ядом
парализует, коль дать напиток.
Пугает затхлость сырого склепа
и суеверья саднит тревога.
Буравят душу из бездны неба
холодным взглядом чужого бога.
Слепая ярость идёт от сердца,
распространяя своё влиянье.
Сочтут безумьем от иноверца
дождаться честного покаянья.
...В сознание мысли метались гнусно,
склоняя душу на преступленье.
Да, подменили весьма искусно
надежду верой во искупленье.

БЕС

В нас бес вселился, чувствует вольготно
себя в порочной плоти – это так!
Душе от его выходок щекотно
и нравится нахрапистость атак.
Сторонник нездоровой обстановки, —
нам души искушает под шумок.
А в преисподней жгут без остановки
несчастных – вьётся сизенький дымок.
Куда же смотрит милосердный боже?
– Да он ведь с сатаной заодно! —
и барыши совместные итожат,
когда на улице становится темно,
иначе бы неискушённым душам
не дал пропасть в застенках сатаны.
Вчера, купаясь под холодным душем,
такую мысль постиг я, пацаны:
что наш и присно, и во веки вечный боже
своею сутью, видимо, двулик, —
он совмещает с сатанинской рожей
одновременно и благообразный лик.
Вот бесовство откуда происходит,
его природу точно надо знать,
и чёрт хоть сколько пусть теперь нашкодит —
мы знаем грех кому в вину вменять.

ОБРЕЧЁННОСТЬ

Б. Р. З.

Цепкие щупальца смерти
спазмом схватили горло,
злорадно визжали черти,
как будто в стекло свёрла

вгрызались, кроша упорно...
Исчерпаны силы бороться
за жизни и она покорно
упала на дно колодца.

Лишь миг... и умрёт сознание,
покинет душа тело.
Разрушено жизни здание,
осталась стандартность надела

два на два – и вся перспектива...
что толку – над холмиком слёзы...
– Зачем-то от профактива
Общественность дарит розы.

СКОРЬБЬ

Под утро из тела
низринулась птица:
душа отболела
и... впали глазницы.
Свободная воля —
иллюзия смертных.
Печальность застолья
не в винах десертных,
а в трауре близких
и в сдержанных позах.
В родных обелисках —
печаль о берёзах,
о солнце и песне...
Да вдумайтесь сами!..
От горя хоть тресни,
пролившись глазами...

ЖИЗНЬ ПРОТЕКАЕТ ОБЫЧНАЯ

Жизнь протекает в заботах обычная:
дети, работа и дом.

Лишь у судьбы процедура циничная:
место имеет трагедия личная —
вечности брезжит фантом...

Вон миражи задрожали привычные:
может преследует глюк?

Но ощущения дают трагичные:
дни наступают весьма хаотичные —
жди непредвиденных мук.

Ночью кошмарной с ухмылкой ехидной
явится нагло Она
и констатирует в форме обидной,
что продвигается в ночи аспидной
в рунную фазу луна...

Срок завершать бесполезное жИтие
значит уже подступил
и чтобы отметить такое событие —
душу под чопорность чаепития
бес отправляет в распыл.

СУДЬБА ДАРУЕТ МИГ ПОБЕД

Души в судьбе не чаем —
дарУет миг побед;
успех хоть и случаен,
трещит-то свой хребет.

Густеет жизни студень,
когда настигнем цель.
Пред ликом страшных судий
преставимся в конце.

Изорван в клочья, скомкан
прошедших будней лист.
Эх, если б только с толком
в нём записи велись!

На каверзное действие
ответ достойный есть...
Счастливым было детство,
да тяжек ныне крест.

Как можно сокрушаться, —
мол, надо было знать...
Не смей судьбы гнушаться, —
как собственную мать!

ВЕЧНОСТИ ОСКАЛ

Мне жизнь – как нерешённая задача
и предстоит ещё найти ответ.
А вечность злобствует собачьим
оскалом лет.

Судьба моя – несломленная крепость,
врагом не покорённый Брест.
Изображая на лице свирепость,
несу сей крест.

Пытаясь изваять ещё при жизни
себе монументальный бюст,
скрываю в беспардонном эгоизме
смятенье чувств.

Такое испытание на прочность! —
судьбой очерчен след.
И столь невзгод таит в себе порочность,
и столько бед.

Года эпоха складывает в вечность, —
в единый неделимый монолит.
Лишь бог уполномочен быстротечность
судьбы продлить.

Реальность – роковая неизбежность:
в конце пути отчётливый финал.
А безысходности пугающую внешность
мир проклинал.

РОКОВАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Плешь разрослась и вскоре на челе
кроме бровей кустистости юле
не встретится помех, а крем-брюле

уж не влечёт изысканностью вкуса;
хоть я не праздную на этом свете труса,
но занимает подлинность Иисуса.

Интересует разность бытия
загробного с реальным; в общем, я
в сомнении, что бог всему судья.

Мне кажется, лишь время только судит,
оно и воскрешает нас и губит, —
в конечном счёте, жизнь под корень рубит.

Когда волна на берег набегаёт круто,
то в мощи чувствуешь увесистое брутто
и даже не поможет хватка спрута

при неизбежности стихийной устоять —
она крушить вольна или ваять, —
не смертным на процессы те влиять.

Да, обречённость жизни – это сущность
всех организмов, а псевдонаучность
библейская есть мысли брэнной утлость,

приспособляемость больного существа
к проблеме измененья естества.

...Но опадает осенью листва, —

в её шуршанье мёртвом что-то есть
от шёпота посмертного и лесь
не остановит роковую весть.

Реальность переменчива, но вера
в незыблемость иллюзии – химера,
она не есть действительности мера.

Вода стирает острые края
осколка, – так же бытия
стирает время грань крутую. Я

логическое следствие отсюда
и вывел, что закономерность чуда
исходит к яви. Только ли простуда

извечный бич здоровья индивида?
А как же ёмкость суммы депозита?
Влияние дурное паразита

на отпрыска? Есть место в мире этом

дистрофикам, стандартным и атлетам
существовать чтоб. Даже по клозетам

заметно недержание мгновений;
все смертны – заурядности и гений
подвержены процессу омовений

в реке времён, несущей в запредел
барахтающихся, которым весь удел —
отдаться провиденью. Тленность тел

заложена в природе изначально
и это, в принципе, наверное, печально.
Но мир, как заурядная овчарня,

и время волком пожирает нас, —
а с ним бессилён даже Фантомас
на равных биться – не такой уж ас.

Эпох минувших жалкие следы
находим в антрацитовый руды
небрежном сколе. Зрелые плоды

должны опасть и дать дорогу юным.
Обязаны мы перспективой гуннам
и скифам и т. д. А вещим гамаюнам

нет места в мире равных перспектив.
Не может автор быть одновременно льстив

и в то же время – несколько учтив.

Быть иль не быть? – извечная задача;
об этом сколь веков уже судачат, —
но люди в этом споре мало значат.

Враждебен мир, загадочен и мрачен.
А космос исключительно прозрачен, —
он ждёт нас... и билет уже оплачен.

ХОЧУ В РАЙ!

Отпустите меня в рай!
На земле истязать плоть —
непростительный драйв,
не одобрит сие Господь.

Мазохизм учредил бес,
чтоб грехами опутать чад:
пренебрёг волей небес —
пусть в содеянном уличат!

Но не каждый себе враг:
все издержки дурных карм
норовим отквитать, — так
в преисподней готовим плацдарм.

Даже бог нам – и не указ!
А на заповеди – плевать.
Свет в лампаде давно угас, —
ну и не о чем горевать.

А воздастся ли всем потом,
на исходе утекших дней?
Рок укАзующим перстом
ткнул туда, где всего черней:

мол, не смей рассуждать, смерд —
о тебе позабочусь сам!
Все мы с вами в разряде жертв —
вот и на душу весь бальзам.

Ох, заказан таким рай —
там святошам на откуп места!
Не сочтите, что я враль
и косноязычны мои уста.

Я желаю всем вам добра
и скорблю об утратах всех.
На душе зияет дыра
и туда навалился грех.

Ну и ладно! Я не святой —
не простят прегрешений мне.
У судьбы нахожусь под пятой —
так придавлен на самом дне.

Обо мне позабудет люд,
лишь покину сей грешный мир.
Сатана чрезвычайно лют
и кровавый справляет пир...

ТОНУ!..

Достигну дна, уткнуь туда и – баста!
А дальше будет некуда упасть...
Так долго мне выкручивали ласты,
вторгаясь в подсознания ипостась.
И что теперь? Куда катиться дальше?
Какой ещё предложат мне маршрут?
От ощущенья непомерной фальши
во мне порывы с чувствами умрут...
Всплывать наверх, не мешкая, покуда
остался воздух в стиснутой груди
иначе и надеяться на чудо
не стоит позабытому среди
неразберихи, хаоса, сумбура
– наследия предшествующих лет.
Не мной расписана оркестру партитура,
не мне и танцевать кордебалет...

О ЗАТАЁННОМ

Человек, в сущности, слаб
пред разверзшейся пастью невзгод
и судьбы кровожадных лап
избежать – не имеет льгот.
Развернув души своей стяг,
в рукопашной атаке рок
победить норовит, как
бесшабашный Геракл. Срок
пребыванья его здесь
ограничен волей небес;
превозмочь обречён спесь,
ибо ей управляет бес.
И молитвой взалкав к Христу,
уповает на мощь богов;
в подсознание: надеть узду
затаил – вот и весь таков!
«Ах, ты что умудрил, смерд! —
ужаснулся бессмертный дух.
Бог в решенье своём тверд,
посему к причитаньям глух,
загодя из Эдема низверг
он не зря своего раба».
(Завсегда замышляет клерк,
чтоб успешней была судьба).

Потому предназначен кнут,
пряник, также, для цели той —
пусть земляне не преминут
поступиться своей мечтой.
Бес коварен отнюдь не зря,
впрямь его наставляет бог —
он на небе за главаря, —
на покорность всех чад обрѣк.
Каждый должен пройти свой ад
(отражѣн в формуляре кар!),
пусть хоть как ты сему не рад —
персонален и твой кошмар.
Вот и пробуй душевный пыл
среди благих остужать дел,
чтобы бог тебя возлюбил
и облегчил тебе удел.

НА ЧЁРНОМ ФОНЕ

Звезда мерцает в вышине
на чёрном фоне...

— вы помолитесь обо мне
святой иконе

за то, что душу продал я
чужому бесу;
сам создал, — каюсь вам, друзья, —
дурную пьесу:

сюжет — избит, финал — далёк
от мысли мудрой,
но всё же тлеет уголёк
в сей сивокудрой

и забубенной голове
с надеждой слабой, —
как ветерок по мураве,
пригладит лапой

и путь укажет, наконец,
незримый Кто -То:
пусть назовётся хоть Творец,
хоть Квазимодо.

Когда бы подал ясный знак
в тумане бренном
Тот, кто из мрака пялит зрак
столь дерзновенно...

И есть о чём ему сказать —
я знаю точно:
мне душу без толку терзать —
ведь так порочно!

Вновь набегают пелена
и застит звёзды...
Рука судьбы в мой мир сполна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.